
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В Литературном институте под руководством заведующего кафедрой литературного мастерства, доктора филологических наук С. Н. Есина готовится «учебно-методическое пособие для будущих студентов и преподавателей литмастерства» «Этюд как экзамен». Оно посвящено хорошо известным всем нашим абитуриентам творческим этюдам, которые уже много лет пишутся на вступительных экзаменах в Литинститут.

По нашему общему убеждению, такие этюды стали эффективной творческой формой, выходящей далеко за рамки экзаменационных целей. Публикуем ниже вступление к пособию и фрагменты из него, которые, надеемся, будут полезны не только будущим абитуриентам, но и вузовским преподавателям, учителям русского языка и литературы, руководителям литературных студий, — всем, кто занят проблемами художественного творчества и литературного мастерства.

ЭТЮД КАК ЭКЗАМЕН

Опыты и начало теории

Руководители творческих семинаров поэзии, прозы, драматургии, литературной критики, очерка и публицистики, художественного перевода Литературного института рассказывают о своём опыте работы с абитуриентами и студентами, пишущими творческие этюды на вступительных экзаменах и во время учения в институте, анализируют сложности и затруднения, которые приходится преодолевать их авторам.

Ключевые слова: творческий этюд, автор, тема, сюжет, действительность, фантазия, деталь, характер.

С. Н. ЕСИН¹

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ СПЕЦИАЛИСТА

Так уж случилось, что в течение двадцати с лишним лет мне пришлось читать все так называемые «творческие этюды», которые наши абитуриенты писали на вступительных экзаменах. Здесь были работы поступающих на отделение поэзии, прозы, драматургии. Были также этюды будущих публицистов, критиков и даже переводчиков. И это было не два или три десятка работ, а две, три, а иногда и четыре сотни. Именно этот опыт обширного и сквозного чтения и позволил мне утвердиться в выводе, что «творческий этюд»,

¹ Сергей Николаевич Есин — доктор филологических наук, руководитель семинара прозы, заведующий кафедрой литературного мастерства, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); esinsergei@rambler.ru

возможно, самый надёжный вид экзаменов при поступлении в Литинститут в эпоху Единого Государственного Экзамена. Эти работы всегда пишутся в аудитории, а не дома, так сказать, под приглядом. Домашняя работа, как предварительная и, выражаясь спортивным языком, как квалификационная, тоже необходима для поступления в творческий вуз, и она оценивается. И вот творческий этюд, оценка за который тоже идёт в экзаменационный лист, не только подтверждает домашнюю работу, но и позволяет почти наверняка сказать о воображении, языке, об оригинальности мышления будущего студента.

Слово «подтверждает» возникает в предыдущей фразе не случайно. Домашняя работа ведь тоже не проходит мимо экзаменаторов, она оценивается, играет на судьбу, а значит, надо чётко быть уверенным, что рассказ, повесть, пьеса, подборка стихов, очерк или перевод с одного из иностранных языков и «этюда» написан одной и той же рукой. Мне, конечно, здесь могут возразить: ну и что это за крохоборство, сличение рукописей, идентификация стилей. А я на это отвечаю, что понимаю собственную ответственность за чужую судьбу, за выбор молодым человеком пути, который и сам по себе очень тернист. Поезд должен идти по своим рельсам.

Но всё-таки, что же такое «творческий этюд»? Как с ним бороться вчерашнему школьнику, привыкшему сочинять что-нибудь о письме Татьяны к Евгению Онегину или о поступках Раскольникова? О темах, которые предлагаются будущим студентам, об объёме работы, времени, которое надо на неё затратить, и даже о том, что в принципе здесь преподаватели пропустят и все грамматические и синтаксические ошибки, — об этом в самой книге. Здесь лишь предварительные сведения. Но тут необходимо сказать несколько слов о преподавании творческих дисциплин в нашем вузе. Ведёт поэзию, прозу, искусство драматургии и, как говорится, пр., обязательно человек, который в этом деле разбирается, и в первую очередь как практик! Теоретиком он тоже, конечно, может быть, и, как правило, у каждого крупного писателя отчасти своя теория и, значит, свои приёмы преподавания. Примеры, имена? Взгляните на сайт Литинститута, имена — там, и имена известные. Но и в оглавлении этой книжки имена тоже не слабые. О практике, которая покрывает всю теорию, писал ещё Гёте. Школьных примеров приводить не стану. Декларирую: к практикам, воспитавшим плеяды знаменитых учеников, стоит прислушаться.

Как строится эта книга и как она создавалась? Создавалась из чувства необходимости, во-первых, сохранить уникальный опыт и ожидать некоего к нему «приварка». Во-вторых, из понимания, что существует не только прославленный Литинститут, а что «литературному мастерству учат ещё и в нескольких других вузах страны». В Томске, например, или в Екатеринбурге. А живая практика нужна всем. И как читатель, наверное, понимает, не зря было сказано, что у каждого преподавателя в Лите свой подход и практически своя теория. И это означает, что каждому практику мы дали высказаться.

Г. Н. КРАСНИКОВ¹

ВЗГЛЯД ПОЭТА
(Импровизация на заданную тему)

Счастливая специфика творческого вуза заключается в том, что руководитель мастерской, читая поэтические (или прозаические) рукописи абитуриентов, сам отбирает тех, кто будет учиться в его семинаре. Следовательно, мы изначально знаем, что имеем дело с одарёнными людьми, хотя степень их одарённости может проявиться только со временем, в том числе и благодаря учёбе в Литературном институте.

Но чтение рукописей абитуриентов — это только первый (ознакомительный) этап. Не менее существенно понять культурный, психологический, человеческий потенциал будущего студента. Молодой и дерзкий Маяковский говорил когда-то: «Я поэт, этим и интересен». Вот эту интересность, если можно так выразиться, и требуется разглядеть, разгадать.

Одним из главных способов раскрытия такого потенциала является творческий этюд — письменная работа абитуриента, своего рода литературная импровизация на заданную тему. Импровизация, которая в той или иной степени даёт представление об её авторе.

Из чего же складывается оценка творческого этюда? Во внимание принимаются несколько ключевых критериев.

Во-первых, *выбор темы* из предложенного набора различных вариантов. Здесь, как у витязя на распутье, проявляется мера смелости в определении судьбы и пути: «Налево пойдёшь...»; «Направо пойдёшь...»; «Прямо пойдёшь...». В самом этом выборе уже выявляются некоторые черты характера, вкус, эстетические предпочтения, готовность к серьёзному или облегчённому, упрощённому разговору.

Во-вторых, *раскрытие темы*. Здесь верным показателем является умение мыслить, когда пушкинское «проза требует мыслей» как раз и может быть предъявлено в полном объёме.

В-третьих, *язык*. Без сомнения, это один из главных критериев. В дальнейшей судьбе поэта он будет определяющим фактором всего его творчества. Известно, что Александр Блок после первой встречи с Сергеем Есениным записал у себя в дневнике: «Язык», ухватив самое главное в новичке-поэте — уникальную есенинскую органичность, истинность, которые в стихии родного языка просвечивают неисклюственным, подлинным светом, о чём сам Есенин в «Ключах Марии» говорил: «в наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живёт, преображаясь». Не потому ли творческая одарённость пишущего в первую очередь проявляется именно в удивительном природном чувстве слова, родного языка, в богатстве и своеобразии его словаря.

Следующий показатель — *владение изобразительными средствами* (образный строй сочинения, умение создавать метафору, эпитет, сравнение и т. д.). В своё время Марина Цветаева нашла очень точную формулу поэти-

¹ Геннадий Николаевич Красников — поэт, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара поэзии, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

ческого творчества, приоткрыв тайну создания стихотворения. Она говорила, что в стихах «первые две строчки — от Бога, а две другие — от мастерства». Конечно, то, что «от Бога», в талантливом человеке скажется само собой, а вот мастерство, «секреты» мастерства или, говоря словами Владимира Маяковского, «как делать стихи», студент уже будет познавать и постигать в процессе учёбы в Литературном институте.

Другой критерий — *стиль*. В определённом смысле это как бы совокупность всех перечисленных выше качеств, в которой проявляется личность автора по известной формуле Бюффона «стиль — это человек», а в интерпретации К. Леонтьева — «стиль — это эпоха», то есть чувство времени, чувство истории, чувство страны, чувство части и целого в огромной картине мира. Или, как утверждал Александр Блок: «В стихах каждого поэта 9/10, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру». От соотношения этих пропорций в произведении во многом зависит стиль, а вместе с ним и масштаб личности писателя.

Ещё один показатель, своего рода скрытая, растворённая во всей письменной работе валентность, некое силовое поле человеческого обаяния и содержания — *культура, интеллектуальный багаж*. Это качество наиболее полно раскрывается в стиле, в умении мыслить, владении логическим мышлением, что даётся серьёзной начитанностью, знанием мировой и отечественной классики, современного культурного и художественного контекста, включающего в себя все виды творчества — литературу, философию, музыку, изобразительное искусство, театр, кино, фольклор и т. д.

Принципиальное значение имеют и раскрывающиеся в письменной работе — *характер, судьба, биография, жизненный опыт* (всё то, без чего невозможно представить настоящего художника, творца, интересного читателю именно своей индивидуальностью, «лица не общим выраженьем», которому есть что сказать человечеству, предъявить миру). Без характера, без внутренней энергии, без того, что Лев Гумилёв называл «пассионарностью», как показывает история литературы, — редко складывается серьёзная поэтическая судьба. Воля к победе, к достижению высокой цели — одна из интуитивных (или явных, осознанных!) мотиваций любого творчества.

Разумеется, все эти качества проявляются в разном сочетании и в разном объёме, в конце концов, будущий студент предполагает в процессе обучения получить основательное гуманитарное образование в вузе. Но есть критерии (раскрытие темы, язык, культура), несоответствие которым делает практически невозможным положительно оценить как творческий этюд, так и творческую перспективу абитуриента.

В качестве примера блестящего сочетания всех этих качеств хотел бы привести здесь творческий этюд, написанный при поступлении в Литературный институт в 2006 году студенткой моего семинара — **Наташей Ивановой**.

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ

Сначала идёт Ютаза, через десять минут — Уруссу. Крохотные станции, где поезд останавливается всего лишь на две минуты. Ютаза по-татарски означает «поселение чужаков», а Уруссу — рукой подать до ковыльного и чертоположного Шайтан-поля — места, где я родилась. Меж четырьмя деревнями — Муллино, Туркменево, Нарышево и Зайтово — где бугры да

воронки, полынь, тысячелистник да колючий скуластый татарник с его пушистыми сиреневыми головками, раскинулось ветристое и подковообразное поле — со своей легендой и со своими неразгаданными тайнами — поле, где исчезали лошади и овцы, терялись люди да бродила нечистая сила. Где с самых древних времён из расщелин местных склонов и оврагов сочилось вязкое и чёрное «земляное масло».

И в начале прошлого века цивилизация, свободная от суеверий и страхов, смело и ловко спустилась к девонским пластам и освоила здесь месторождения нефти. Был заложен посёлок нефтяников, в который потянулись из самых разных уголков страны молодые романтики, первооткрыватели, специалисты, рабочие, колхозники и конвоируемые переселенцы. Устав от последней деревенской нищеты, сюда приехали мои бабушка и дедушка. А в пятьдесят седьмом году в ветхом и тесном бараке у них родилась моя мама. А двадцать лет спустя, совершая закономерный круговорот поколений, у моей мамы родилась я. И жили мы долгие годы на зайтовской горе на пятидесяти квадратных метрах щитового дома — бабушка, дедушка, мама, папа, я и мамин брат — без канализации, без горячего водоснабжения. Газ и печка. Огород, баня, сарай. Коровы, куры, кролики. Яблоня, клубника, редиска.

Где-то неумолимо отщёлкивают часы, минуты, секунды. А зайтовская гора — место «вне времени», место паломничества и благодати — и Мекка, и Медина, и камень святой Каабы... В эпоху моего детства она была сплошь усыпана душицей и лютиками. Душицу мы собирали, сушили на солнце и заваривали в чай. Бабушка белила его молоком и вынимала из печи горячие капустные пироги.

На самой вершине зайтовской горы было несколько колец — обводные тропинки безмянных захоронений немецких военнопленных. Вечерами мы с Алёнкой бегали по ним, играли в салки и ожидали, когда возвратится с пастбища табун. Коровы приходили к закату, тыкались мордами в калитки, болезненно и жалобно мычали. Солнце садилось под ритмичное и тёплое журчание парного молока, струящегося в железное ведро, крепко перехваченное марлей. А потом мы с Алёнкой пили его жадно и наперегонки.

Собственно, гора эта — ещё не Зайтово, а только его начало, это старый Первомайский посёлок. До моего рождения гора была пологой. До моего рождения по её западному краю проходила Дорога Палача — на самое кладбище. В семидесятые годы западную сторону срезали — и мы с мальчишками радостно бегали по опасному отвесному краю и прятались под обрывом. А на Дороге Палача выстроили новый микрорайон.

С этой горы хорошо видно, как встаёт и опускается солнце. Летом — красным пылающим диском. Зимой — мёрзлым взъерошенным комом. Подъём и спуск тут можно совершать бесконечно — и даже босиком. И мне помнится трагическое раннее утро: пылающий диск на востоке и шорох камушков под бабушкиными галошами. Я бежала в них вниз с горы — по Краснодарской улице. Бежала и исчезала без оглядки душа. Тяжко и медленно перемещалось тепло — вдоль осевших и полинялых деревянных домов. Четыре часа утра. Только что ушла тёмная и тихая августовская ночь, когда неистово блистали звезды и ильинский месяц. ещё не проснулись петухи, ещё не раскрылись цветки чистотела. Тишина — и шорох дорожных камней. И каждый шаг вниз — как будто бы целый год моей нерастроченной жизни. А впереди — вечный огонь. Факел нефтедобытчиков.

В то утро смерть так близко коснулась меня, сидела рядышком, вопросительно смотрела в глаза, холодным безмолвием проходила мимо. И неумолимо уводила жизнь. Жизнь, которой уже никогда не понадобятся ни галоши, ни грабли, ни гребень...

Она умела красиво заплетать косы, и женщины ходили к ней заплетаться после бани. Она умела добротнo прясть и вязать. Она могла в одиночку перекопать огород и засадить его овощами. Она работала на полях и на стройках. Она умела доить и принимать телят. Она умела косить и метать стог. Она умела верить и терпеть. Долготерпение до надрыва — это про неё. Молчать и никогда не жаловаться на жестокую, немилостивую судьбу. Это где-то в других параллелях существовали кавалеры, мороженое, кино. Это где-то за морями и океанами пили шампанское и говорили друг другу комплименты. Там — душились, рядились, влюблялись. Здесь же — чёрная работа в две смены. Четыре класса образования, трудное чтение и письмо. Скорый на расправу дед. Коровы, огород да кухня. Скомканное, изувеченное, изношенное существование. Это снаружи. А внутри — и разнотравье, и овечья шерсть. Она — это чай с душицей и волосы, выполаскиваемые ромашкой. Это мельница, это журчание воды в жерновах. Это милые жёлтые цыплятки, которым так отраднo рубить и истончать ножом варёное яйцо...

Помнишь нашу последнюю зимнюю встречу? Мы шли с тобою тротуаром. На перекрёстке заглохли машины. Скрипел под ногами свежий и хрустящий январский снег. И в этот миг хлынула близкая и яркая волна воспоминаний — воспоминание августовского утра. Красный свет светофора — как красный диск солнца, красный свет светофора — как вечный огонь. Ты говорил что-то затёртое о моём эгоизме, о поставленной точке, о расхождении в разные стороны. Я не могла подобрать ни слова в ответ. И этот путь для меня — как краснодонский спуск. Каждый шаг — это день нерастраченной жизни. А рядом, за спиной, проходила смерть, косила луга и долины в нашем давно уже выжженном мире. Косила и сушила на солнце — до пепла и золы, чтобы затем разметать все останки по ветру. Метала в стог — и бросала в геенну огненную. И всё это — спуск...

А краснодонский подъём — невелик и недолог. Шесть домов от Первомайского перекрёстка. Восхождение к истокам и сбор сил от притоков. Как будто бабушка отправила меня в магазин, и я возвращаюсь обратно — с барбарисовыми леденцами. Или петушками за пять копеек, из которых таким редким счастьем было найти и купить зелёный...

Мои родители построили дом на границе Зелёного поселка и Муллино. Это всё тот же город — и до центра пятнадцать минут пешком. Законные шесть соток для одноэтажного кирпичного жилища. Три комнаты и веранда. В четырнадцать лет в пылу ссоры с матерью я сбегу отсюда в ночной город. Пустыми и хищными закоулками доберусь до магазина «Уют», а оттуда — по проспекту до кладбища, и — в гору. Шесть километров до бабушки. Она меня ни о чём не спросит, но всё поймёт. Бестелефонное и бессвязное время. Родители долго будут искать меня по подругам и только позже приедут сюда. Я буду уже спать. Каприз, озорство, своеволие — живой, узнаваемый сюжет.

И нет такой силы — чтобы собрать и кинуть в твою уходящую спину последние годы моей жизни. Ни вычеркнуть, ни поставить точку. Мы теперь так далеки друг от друга, что это не просто разные стороны, а разные смертные жизни. И вечный огонь — как факел нефтегазодобытчиков. Как вечная память.

Мне будет пятнадцать, когда наступит зарничное и заресничное августовское утро. Красивое, бессонное утро. И будут шуршать камушки под подошвами резиновых галош. Я буду бежать вниз, а рядом будет скользить освобождённая, вольноотпущенная женская душа. Пахнущая и ромашкой, и душицей...

А накануне... Накануне ей приснилась первая любовь. Любимый, давно уже умерший, пришёл к ней, стоял у забора, улыбался и звал: «Я же говорил тебе, Лена, — ты всё равно станешь моей»...

Легко скользит и ускользает — вольноотпущенная женская душа... Что ещё я не видела в этой жизни? Что так держит меня здесь? Я видела смерть и сотворила рождение. Дважды лежала под ножом хирурга. Видела и красоту, и безобразие. Сама создавала и то, и другое. Любила. Любила сильно. Ненавидела. Столкнулась с предательством, но знавала и преданность. Разве я видела не все грехи человеческие, а некоторые из них и познала? Что может удержать меня в этой жизни? Что сковывает и оковывает душу, заставляя её выполнять несправедливую повинность, вынашивая и изнашивая тело? Добродетели и жажда созидания? Работа над совершаемыми ошибками? Мне ли делать что должно? Пусть ли будет что будет?

Но я знаю, что нужно терпеть. И научиться ждать. Ждать долго и ждать упорно. Мига, момента, когда мелькнёт в воздухе коса и упадёт иссохшая былинка. А накануне... Я знаю и верю, что мне приснишься ты... Будешь стоять у забора, улыбаться и звать... И скажешь: «Пора...». Тогда я буду точно знать... Тогда будет так легко скользнуть вольноотпущенной женской душой... Плыть под шорох камушков... Рядом с маленькой девочкой, которая век спустя будет так же долго ждать сочельника, ждать кануна, ждать такого же сна, чтобы высвободиться и чтобы тоже плыть... Под шорох камушков, к восходу солнца, исчезая в слоистом течении вечного огня... Всё будет так непременно — и красный диск, и шуршание дорожного гравия, и вечный факел... Я буду ждать... Долготерпением до надрыва... Терпеть и ждать...

Что можно сказать об этой замечательной работе начинающего на тот момент автора? Во-первых, в ней очевиден безусловный талант Натальи Ивановой (кстати, в дальнейшем проявившей себя не только как интересный поэт, но и как яркий, умный и тонкий эссеист, прозаик). А главное, поражает глубокая поэтическая личность Натальи Ивановой, память которой с такой точностью, нежностью и пронзительностью хранит язык, детали, краски, лица, имена, названия, впечатления детства, запахи трав, картины своей родины. Уже из этой (дебютной по сути) работы видно, как прав был тот же Сергей Есенин, советовавший молодым поэтам: «Ищи родину, найдёшь — пан, не найдёшь — пропал!..» В своём творческом этюде Наталья Иванова показала, что ей не надо «искать» родину, она её и не теряла...

Вот почему важным и существенным с профессиональной точки зрения представляется и отношение абитуриента (в потенциале — будущего писателя, «властителя дум») к тем эстетическим и этическим проблемам, которые всегда волновали классиков отечественной литературы. Интересно было бы узнать современное мнение молодых людей через раскрытие в творческих этюдах таких, к примеру, пушкинских тем, как:

1. «Гений и злодейство — две вещи несовместные?..»
2. Ваше понимание пушкинской формулы: «Духовной жаждою томим».
3. «И неподкупный голос мой был эхо русского народа...»
4. «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»
5. «Ты сам свой высший суд...»
6. «История принадлежит народу».

Не менее интересно было бы в наше прагматическое время, когда ценятся только материально и карьерно успешные молодые люди, — предложить для творческого этюда и такие классические формулы русской поэзии:

1. «Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт!..» (М. Лермонтов)
2. «Болящий дух врачует песнопенье...» (Евг. Боратынский)
3. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся...» (Ф. Тютчев)
4. Душа грустит о небесах...» (С. Есенин)
5. «Молчат гробницы, мумии и кости, — лишь слову жизнь дана...»
(Ив. Бунин)
6. «И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет, —
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт» (Н. Гумилёв)
7. «И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это Бог» (Н. Гумилёв)
8. «Поэт издали заводит речь, поэта далеко уводит речь...» (М. Цветаева)
9. «Мне и рубля не накопили строчки...» (В. Маяковский)
10. «Сотри случайные черты, —
И ты увидишь: мир прекрасен!..» (А. Блок)
11. «И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?» (Н. Заболоцкий)

Без понимания и осмысления подобных фундаментальных для русской культуры и литературы тем трудно себе представить творческий путь любого художника, в ином случае мы получим то самое «щебетанье щегла», о пустопорожности искусства которого предупреждал Заболоцкий.

О. А. НИКОЛАЕВА¹

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Приёмные экзамены в Литературный институт им. А. М. Горького включают в себя творческий этюд. Абитуриентам, прошедшим творческий конкурс, предлагается несколько разнообразных тем (как правило, шесть), из которых они должны выбрать одну и за четыре часа в одной из институтских аудиторий, в присутствии преподавателя (мастера) написать нечто экспромтом — рассказ, эссе, стихотворение.

Творческий этюд свидетельствует о способности абитуриента к импровизации, обнаруживает его способность к выражению собственных мыслей и эмоций и страхует от тех неприятных, хотя и редких казусов, когда молодой человек присылает на творческий конкурс чужие произведения, в то время как самостоятельно не может связать и двух слов.

¹ Олеся (Ольга Александровна) Николаева — поэт, прозаик, критик, профессор кафедры литературного мастерства, руководитель семинара поэзии, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru